

Александр Фатеев

Когда Солнце заговорит.

«Автор»
2026

Фатеев А.

Когда Солнце заговорит. / А. Фатеев — «Автор», 2026

Космическая станция "Скайлэб" заканчивала свою миссию, полёты Апполонов уходили в прошлое, а в Белом Доме разразился скандал.На фоне этого в недрах НАСА шла борьба за выживание...

© Фатеев А., 2026
© Автор, 2026

Александр Фатеев
Когда Солнце заговорит.

Глава 1. Рутина (День 84)

Миссия "Скайлэб-4" шла восемьдесят четвертые сутки, и подходила к концу.

В командном модуле "Аполлона" пристыкованном к станции, Джеральд Карр плавал в фиксаторах. Он пытался закрыть заевший замок шкафчика. Металл скрежетал по металлу. В воздухе пахло озоном, горячим пластиком и человеческим потом. Низкочастотный гул вентиляторов системы жизнеобеспечения был постоянным фоном. К нему примешивался ритмичный скрип: раз в секунду. Замок. Еще раз. Замок.

— Билл, — сказал Карр в интерком. — Насос в блоке пять. Слышу вибрацию по правому борту.

— Вижу, — отозвался Поуг из отсека оборудования. — Давление падает. Я его ударил, не помогло.

В это время в отсеке астрофизических научных приборов -АТМ, у комплекса астрономических телескопов, Эдвард Гибсон плавал перед панелью управления. Он не смотрел в иллюминатор. Он смотрел на экран осциллографа, где отображался "белый шум" солнечной короны.

Гибсон заметил отклонение. В момент регистрации солнечной вспышки нижняя граница частотного шума на долю секунды проседала. Это длилось миллисекунды. Он переключил тумблер. Подсоединил магнитофон к анализатору.

— Хьюстон, это Скайлэб, — произнес он. — Канал четыре. Фиксирую периодическую модуляцию фона. Запускаю запись на ленту семь.

— Принято, Скайлэб, — отозвался оператор в Хьюстоне. — Данные пошли.

Гибсон смотрел на зеленые пики на экране. Для него станция не была протекающим баком. Для него это была самая дорогая обсерватория в истории человечества. Он оторвался от приборов и посмотрел на свои руки. Они дрожали от усталости. Он снова перевел взгляд на шум. Математика внутри хаоса.

В отсеке оборудования, рядом с душевой кабиной, Уильям Поуг пытался принять душ. Это была прозрачная цилиндрическая кабина. Процедура занимала сорок минут. Он открыл вентиль. Теплая вода брызнула из форсунки. Капли не падали вниз — они собирались в шарики и плавали в воздухе.

Поуг поймал один шарик губкой.
Система вентиляции станции с шипением втягивала воздух, пытаясь поймать влагу.
— Черт, — выругался Поуг. — Опять протекает.
Вода тонкой струйкой сочилась из-под уплотнителя двери.

В лабораторном отсеке температура поднялась до 28 градусов. Влажность росла.
Поуг, приняв душ, и вытеревшись насухо, закрепил датчики на своей груди.

— Хирургам это не понравится,— сказал он. — Пульс скачет.

— Это не пульс, — ответил Карр, подплывая к нему. — Это вибрация от насоса. Она идет по всему корпусу.

Карр оттолкнулся от стены и поплыл к модулю шлюзовой камеры. Ему нужно было проверить гайки на внешнем корпусе. Подготовка к выходу в открытый космос занимала два часа.

В отсеке астрофизических научных приборов Гибсон закончил запись. Он вытащил кассету из магнитофона. Он снова посмотрел на спектрограмму. "Расческа" внутри шума.

Он достал бортовой журнал.

18:05. Зафиксирована корреляция между вибрацией СЖО (400 Гц) и радиошумом звезды. Возможная наводка.

Он закрыл журнал и закрепил его на стенке.

Где-то внизу, под слоями атмосферы, люди строили планы и лгали.

А здесь, наверху, был только гул вентиляторов, запах пота и математика, которая не хотела складываться.

Глава 2. Зеленая линия (ЦУП, Хьюстон)

В зале управления в Хьюстоне было 03:14 ночи.

Эдвард Морроу сидел перед терминалом. Кондиционер гнал холодный воздух, — точно так же, как на самой станции, только без примеси пота. Лента с данными ATM-7 (Apollo Telescope Mount) поступила на дешифровку.

Эдвард надел тяжелые наушники. Он услышал "расческу".

Он вывел сигнал на экран осциллографа. Синусоиды не было. Были только прямоугольные импульсы.

Эдвард взял секундомер и карандаш.

Он начал замерять длительность импульсов вручную.

Высокий уровень: ноль целых восемь десятых секунды.

Низкий уровень: ноль две секунды.

Правило кодирования сложилось само: всё, что выше 0,5 — это "1". Всё, что ниже — "0".

Он исписал три страницы блокнота. Получилась цепочка: 10110100...

Эдвард подошел к графоплоттеру Хьюлетт-Паккард 9862. Устройство было размером с тумбу. Он ввел данные через клавиатуру.

Перо плоттера заскрипело по бумаге, вычерчивая линии зелеными чернилами.

Оно вывело окружность. Затем треугольник. Затем овал. Из основания овала выходили три линии. На высоте двух дюймов от корпуса все три линии обрывались.

Плоттер дошел до края листа и остановился.

Эдвард стоял в тишине. На чертеже не было деталей. Только геометрическая проекция, похожая на командный отсек "Аполлона". В углу листа стоял штамп таймера: 15-JUL-75.

Морроу посмотрел на рисунок и вспомнил дату, это программа ЭПАС-Союз-Аполлон. Именно на это число планировалась встреча в космосе. А линии это….. Догадка мелькнула в

голове, но рассудок сопротивлялся, нет - не может быть, стропы? И самое главное - это всего лишь сигнал от Солнца, оно что, знает будущее?

Эдвард почувствовал тошноту. Это не был сбой принтера. Это был код.

До старта миссии ЭПАС (Экспериментальный полет "Аполлон" — "Союз") оставалось 523 дней.

Эдвард сложил лист пополам. Он оглянулся на камеры видеонаблюдения под потолком. Он сунул чертеж во внутренний карман пиджака и выключил плоттер.

Глава 3. Передача (8 февраля 1974 года, Карантин)

Врач протянул сквозь шлюз прозрачный пластиковый пакет. Джеральд Карр взял его негнущимися пальцами. Внутри, среди детских рисунков и пачки писем, лежал одинокий сложенный лист бумаги, которого там быть не должно. Карр незаметно прижал его ладонью, пока врач проверял зрачки Поуга.

Эдвард Морроу стоял по ту сторону толстого стекла операторской зоны. Он не отрывал взгляда от экипажа. Он выглядел так, словно постарел на десять лет за последние сутки. Когда врач отошел к дальнему столу, чтобы заполнить журнал, Морроу шагнул вплотную к стеклу. Он не мог кричать — микрофоны записывали каждое слово для истории, и где-то там, в темноте ЦУП, Джеймс Блэк слушал этот канал.

— Ребята, — голос Морроу звучал глухо, как из бочки. — Вы хорошо поработали, но мне никто не поверит, что это Солнце…… Требует тщательного изучения. Большинство думает, мы занимаемся рутинной, никому не нужной работой.

Джеральд Карр смотрел на него, медленно разворачивая лист бумаги за спиной. Это была ксерокопия. "Зеленая линия". Схема командного модуля "Аполлона". Из основания овала выходили три линии, и все они обрывались. Карр перевел взгляд на Морроу. Он всё понял.

Гибсон, сидевший в соседнем кресле, поднял голову. Он проследил за взглядом командира. Он видел лицо Морроу через стекло. Он слышал слова. "Солнце". "Рутина". Гибсон медленно, едва заметно кивнул. Он вспомнил этот странный сигнал в последний день, но выяснять подробности было некогда, команда готовилась к посадке.

Карр смотрел на оператора. Он так же медленно, почти незаметно кивнул в ответ. Это был ответ. "Принято. Мы сыграем в твою игру".

Морроу увидел этот кивок. Напряжение чуть отпустило его плечи. Он прижал ладонь к стеклу напротив ладони Карра и отошел в тень, исчезая из поля зрения врачей.

Карр отвернулся от стекла, пряча ксерокопию обратно в пакет с письмами. Он посмотрел на врача, который как раз закончил свои записи.

— Док, — хрипло сказал Карр. — Уберите свет. Голова раскалывается. Мы просто... перегрелись на этом Солнце. Можно нам просто поспать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.